

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Методологические подходы к проблеме психологического стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных

С.В. БАБУРИН – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Н.С. ОБОТУРОВА – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

А.М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, профессор

В статье рассматриваются вопросы методологии психологического стресса, говорится о необходимости привлечения метатеоретического философского уровня анализа различных психодезадаптивных состояний, возникающих на основе психологического стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных. Обосновывается необходимость междисциплинарных исследований стресса и использования полипарадигмального подхода к оценке стрессиндуцированных психических расстройств (психической дезадаптации) с позиций постнеклассической психологии и других областей знаний о человеке, в частности антропологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : стресс; психическая дезадаптация; совладающее поведение; постнеклассическая психология; сознание; духовность.

Methodological approaches to the problem of psychological stress of employees of penal institutions and convicts

S.V. BABURIN – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Psychology, Associate Professor, Honourable worker of higher education of the Russian Federation;

N.S. OBOUROVA – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, DSc in Philosophy, Associate Professor;

A.M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, DSc in Medicine

The article considers questions of methodology of psychological stress, the necessity to use the metatheoretical philosophic analysis of various psycho maladaptive states occurring on the basis of psychological stress of employees of penal institutions and convicts. It grounds the necessity of interdisciplinary studies of psychological stress and using the multyparadigmatic approach to assessment of stress-induced mental disorders (mental maladjustment) from the standpoint of postnonclassical psychology and other fields of knowledge about the person, such as anthropology.

Key words: stress; psychological maladjustment; coping behavior; postnonclassical psychology; consciousness; spirituality.

Продолжение (начало в журнале № 3 (27))

Многочисленные психологические исследования, посвященные природе совладающего поведения, показали, что структура преодолевающего поведения, как и сам феномен развития стресса, имеет сложный многоуровневый характер организации. Широко используемое понятие совладающего поведения (или копинг-поведения) было определено автором когнитивной теории стресса и копинга как сумма когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса в целях адаптации¹. Последователи субъектно-деятельностного подхода рассматривают совладание в едином контексте с саморегуляцией, относя его к адаптивному механизму, входящему в единую сферу саморегуляции. Особая роль, по мнению В.И. Моросановой, в становлении современных представлений о саморегуляции принадлежит системному подходу, имеющему многоуровневую детерминацию². Сторонники ресурсной теории совладающего поведения указывают, что человеку присущ инстинкт преодоления, одной из форм проявления которого является поисковая активность, обеспечивающая участие копинг-стратегий во взаимодействии субъекта с различными ситуациями³. К теоретическим предпосылкам ресурсного подхода относятся: понимание совладающего поведения с позиции субъектности (как осознанного и целенаправленного поведения субъекта, позволяющего справиться со стрессом); обладание человеком множеством ресурсов, определяемых соответствующими факторами; способность ресурсов нивелировать неблагоприятное влияние стрессовых ситуаций, минимизировать или устранять эффекты воздействия стрессоров, облегчая адаптацию и повышая стрессоустойчивость человека; понимание ресурса как результата взаимодействия человека с окружающим миром (транзактная модель); идеи когнитивной теории стресса Р. Лазаруса; идеи информационного подхода и т.д.

Очевидно, что данные взгляды, развиваемые в рамках системно-субъектного подхода, не только позволяют анализировать совладающее поведение на базе различных философских и методологических оснований, но и расширяют академическое понимание адаптации. Адаптация представляется здесь в виде сложного процесса, включающего приспособление, выбор, выработку и использование стратегий преодоления.

Общий адаптационный потенциал человека в ресурсной модели наряду со стратегиями совладания дополнительно включает такие важнейшие механизмы поведения, как саморегуляция, контроль поведения и психологические защиты. Центральной в архитектонике совладающего поведения, которое вполне можно рассматривать в качестве подсистемы общего механизма адаптации и психического здоровья человека в целом, является саморегуляция. Понятие «саморегуляция психических состояний» отражает умение владеть собой, своими действиями и поступками, переживаниями и чувствами, способность сознательно поддерживать и регулировать свое самочувствие и поведение в стрессовых ситуациях. Данные формы активности субъекта считаются ведущими факторами его поведения, основанного на выборе конкретных стратегий и стилей. Более того, каждая форма активности, обеспечивающая конечный результат сохранения целостности психической сферы и поведения субъекта, в свою очередь также является отдельной и самостоятельной функциональной системой.

К факторам совладающего поведения субъекта А.Е. Журавлев и Л.А. Сергиенко относят диспозиционный фактор (в виде соотношения субъектных личностных черт и качеств, разноуровневых характеристик или субъектных детерминант – от нейротизма и тревожности до самоотношения и уровня субъективного контроля, задающих человеку выбор стратегий и стиля поведения в стрессовой ситуации); динамический фактор (особенности процесса совладания со стрессовой ситуацией, оцениваемой субъектом самостоятельно); социокультурный (экологический) фактор (востребованность интериндивидуальных социально-психологических качеств субъекта); регулятивный фактор, направленный не только на развитие и формирование субъекта совладающего поведения, но и на приобретение адаптивных копинг-стратегий (с целью повышения психосоциальной компетентности субъекта)⁴. Структуру совладающего поведения составляют следующие компоненты: копинг-реакции – мысли, чувства, переживания человека при столкновении со стрессором; копинг-действия – действия человека в контексте стрессовой ситуации; копинг-стратегии – последовательность связанных действий; копинг-стили – концептуально сходные копинг-стратегии.

Изучение совладающего поведения во многом осложняется такими его качества-

ми, как адаптивность и одновременно активность (инструментальность/созидательность); дуальность копинга как процесса (автоматизм отклика на стресс и преднамеренность волевых регулятивных копинг-усилий); многоальтернативный выбор способа действий; недизъюнктивность (непрерывность) при одновременном использовании разнообразных способов; невозможность заранее предсказать их конструктивность/деструктивность; неоднородная в зависимости от ситуации и особенностей личности осознанность и целенаправленность (сходство с механизмами психологической защиты); разная степень контролируемости; социально-культурная обусловленность и ее значимость для психологического благополучия субъекта; сложная система ресурсов развития совладания в онтогенезе.

Эти качества совладающего поведения неокончательно прояснены в связи с высокой сложностью и гибкостью совладающего поведения субъекта и его выделения из общего процесса адаптации. Анализ качеств совладающего поведения неразрывно связан с выбором и экстраполяцией данных на ту или иную модель человека, содержание понятий личности и субъекта. Эти модели и понятия активно рассматриваются сегодня не только в философской антропологии, но и в самых различных направлениях современной отечественной психологии. Характерными чертами психологии, присущими для постнеклассического этапа ее развития, по мнению Е.А. Сергиенко, являются полипарадигмальность и междисциплинарность, сплав системности и субъективности, рациональной логики и интуиции⁵. Поиск вариантов целостного современного подхода к исследованию человека показал, что в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному деятелю собственного бытия, собственной деятельности, нет места интегративной индивидуальности, которая, обеспечивая целостное поведение человека, смогла бы явиться основой его индивидуальных вариантов адаптации к внешним условиям бытия⁶. Субъектно-деятельностный подход не раскрывает внутренние условия самой деятельности, лишен представлений о внутренней психической организации человека и ее структуре. Устранить слабые стороны этих подходов, как считает автор, позволяет их объединение в виде системно-субъектного подхода, перспективность которого заключается в стремлении к це-

лостному изучению человека и переходу от психологии психических процессов к субъективной психологии.

Е.А. Сергиенко дала представление о структурной организации психики человека как континууме взаимодействия содержательного ядра (личности) и интегративной индивидуальности субъекта, осуществляющего выполнение задач разного уровня. С этих же позиций анализируются основные функции субъекта: понимание (когнитивная функция), контроль поведения (регулятивная функция), субъект-субъектная или субъект-объектная коммуникация (коммуникативная функция). Применение континуально-генетического принципа к субъектогенезу позволило также обосновать положение о непрерывном развитии человека как субъекта от протоуровней к акмеологическим уровням и снять вопрос о возникновении субъекта и его критериях. При этом выделенные ранее Б.Г. Ананьевым, К.А. Абульхановой, А.Г. Асмоловым, А.В. Брушлинским, А.Л. Журавлевым и другими авторами критерии субъекта становятся соотносимыми с разными уровнями организации субъекта, что сглаживает возможные противоречия⁷. Теоретический аспект психологии субъектности имеет особое значение для решения проблемы совладающего поведения человека, поскольку развитие истинной субъектности более ярко выявляется в предельном и экстремальном модулях бытия личности⁸.

Неизбежно возникает вопрос о дифференциации понятий субъекта и личности, которые просматриваются в отечественной психологии через призму акмеологического и эволюционного подходов. Акмеологический подход признает субъект (как позднее образование) вершиной развития личности и отражает антропоцентрическую философскую традицию, а эволюционный предполагает постепенное развитие человека как субъекта с самых ранних этапов его психического становления.

Развивая идеи субъектности с позиций системно-субъективного подхода, Е.А. Сергиенко выдвинула гипотезу о соотношении субъекта и личности как ядерных структур в психической организации человека⁹. Личность при этом понимается как инстанция, задающая направление и смысл движения, а субъект – в виде активного, избирательного начала, согласующего данное направление при взаимодействии с окружением, сообразно с возможностями своей интегральной индивидуальности. То есть

заданное личностью (носителем внутреннего мира) направление движения субъект реализует через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Иначе говоря, зрелые формы поведения человек осуществляет в зависимости от степени согласованности в развитии континуума «субъект – личность». Это теоретическое положение подтвердилось при изучении субъективных и личностных характеристик человека в онтогенезе и процессе преодоления жизненных трудностей (стрессовых событий). Эмпирически показано, что согласованность субъективных (контроль поведения) и личностных (ценности, смысложизненные ориентации, сознательные и неосознаваемые представления о себе) характеристик способствует не только осуществлению зрелых форм поведения, определяющих успешность совладания со стрессом, но и возможность высшего акмеологического проявления человека¹⁰. При этом выявлена тесная связь субъективных и личностных характеристик с механизмами защиты и совладания, которые вкупе с контролем поведения представляют единый контур саморегуляции. Причем составляющие контроля поведения преимущественно взаимодействуют с совладающими стратегиями, которые Е.А. Сергиенко относит к осознанным защитами личностного уровня. Такое понимание соотношения «субъект – личность» позволяет анализировать непрерывность их уровневого развития в онтогенезе, а также учитывает специфику и единство этих ипостасей человека, что дает основание для поиска и понимания механизмов и принципов совладания со стрессом. Контроль поведения как регулятивной функции субъекта уделяется при этом важнейшая роль в процессах саморегуляции. Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции: когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и волевой контроль.

Примечательно, что волевому контролю в различных конструктах совладающего поведения и саморегуляции отводится важное место, то есть туда включено понятие «воля», которое в западной психологии используется вместо понятий «мотив» и «мотивация»¹¹. Анализируя социогенез понятия «воля», В.А. Иванников с соавторами указывает, что волевая регуляция (самодетерминация поведения как регуляция побуждения и самоконтроль как регуляция эмоций и состояний) представляет собой особую осознанную ак-

тивность человека, отражающую личностный уровень произвольной саморегуляции. Воля при этом определяется как «высшая психическая функция, обеспечивающая регуляцию действий, психических процессов и состояний в условиях конфликта решений высшего уровня функционирования человека»¹². Волевая регуляция характеризуется уровнем личности, на котором она осуществляется, и присущим ей механизмом в виде намеренного изменения смысла действия, переносящего побудительность с мотива на цель. Воля в связи с этим может рассматриваться как способность человека к саморегуляции (самодетерминации), теряя статус самостоятельного психического процесса, или в качестве особого психического процесса, высшей психической функции, рождающейся в онтогенезе человека, опосредованной личностными образованиями и системно построенной. В любом случае, как считают авторы, понятие «воля» должно остаться в психологии, поскольку поведенческие ситуации, требующие особой саморегуляции, никогда не исчезнут из жизни людей. Следует отметить, что данный взгляд на психологическую природу воли и ее главную задачу (победу решения высшего уровня) полностью соответствует мысли Аристотеля о воле как способности души соединять разумное решение о необходимости действия со стремлением к нему¹³.

Характерной особенностью представленной ресурсной теории преодоления стресса и целого ряда других конструктов совладания в последние годы становится постепенное «восхождение» к копингам и ресурсам, лежащим в сфере высших психических функций. В.А. Бодров, рассматривая теории и механизмы психологического стресса и его преодоления, указывал на необходимость анализа личностных особенностей, к которым относил практически все известные психические «переменные» – личностный смысл человека, цели его деятельности, многообразные черты и типы личности, локус контроля, психологическую выносливость (устойчивость), самооценку и т.д. К дополнительным факторам, влияющим на переживание стресса (наряду с процессом оценки стрессовой ситуации со стороны индивида), относятся наличие и влияние социальной поддержки, характеристики восприятия, направленные на себя и на окружение, контролируемость/неконтролируемость авersive ситуаций и связанные с ними параметры неопределенности стрессора и вероятность его повторения, а также про-

цессуальность стрессового события, или его нестатичность¹⁴.

Очевидные трудности транзактного анализа стресса наглядно выявляются в диагностике, что в целом обусловлено сложностью самого феномена стресса, множеством причин его возникновения, необходимостью анализа субъективных реакций человека на объективно происходящие вокруг него перемены, а также неоднозначностью теоретических представлений о происхождении стресса. Опросники, использующие фиксированные перечни различных стрессогенных ситуаций, слабо учитывают их субъективную значимость для человека и не способны охватить все возможные варианты жизненных явлений. Методики экспертной оценки значимости пережитых событий, как и способы наблюдения за поведением человека, трудоемки и малоприменимы на практике. При диагностике стресса и его последствий следует понимать, что данным термином обозначается предельно широкий диапазон различных состояний – от естественных приспособительных реакций до пограничных и патологических процессов. В связи с этим в каждом конкретном случае необходимо различать при всей условности подобного подхода психологические, физиологические и патологические формы стресса. Психологические формы включают в себя и конфликты, кризисы, и различные по силе выраженности эмоциональные состояния человека, которые могут реализовываться в допустимых границах психофизиологической напряженности и не приводить к снижению резервных возможностей человека и развитию патологии, сохраняя адаптивное поведение в социуме. Анализ стресса в этой плоскости – плоскости «психологического стресса» или «напряжения» – представляется наиболее сложным и требует глубоких знаний в связи с необходимостью дифференциации наименее изученной в практической психологии области функциональных и психодезадаптивных состояний, пограничных психических расстройств и других аспектов изменений внутреннего мира человека. Следует учитывать, что так называемый физиологический стресс, развивающийся, как правило, в верхнем (предельном) регистре деятельности (состояний) функциональных систем организма, всегда протекает на «околопредельном» уровне напряжения гомеостатических механизмов регуляции, граничащем со срывом адаптационных барьеров устойчивости (резистентности), и требует особого внимания.

Стресс, условно определяемый как патогенный, представляет чрезвычайно широкий спектр дезадаптивных состояний и в понимании Г. Селье и большинства клиницистов обозначается как дистресс. Направления психодиагностики, отбор конкретных методик и условия их применения зависят прежде всего от концептуальной основы деятельности специалиста, проводящего диагностику, от особенностей природы стрессовых воздействий (их экстремальности), профессиональной деятельности испытуемого, его возраста, пола, полученного запроса и цели проведения диагностики, от конкретной ситуации и т.п.

Существующие в области понимания природы стресса сложности отразились и на подходах к классификации методов психодиагностики. Из предлагаемых специалистами по работе в области стресса методик его распознавания выделяют несколько классов в зависимости от целей и предмета исследования. К ним относят методики определения актуального уровня стресса, выраженности нервно-психической напряженности и тревожности; методики, помогающие прогнозировать поведение человека в экстремальных условиях и выявлять негативные последствия дистресса; методики диагностики профессиональных стрессов и стрессоров; методики, направленные на определение уровня стресса и факторов стресса в профессиональной деятельности, и т.д. Особая группа методик посвящена диагностике проблем, связанных с управлением временем в профессиональной деятельности. Расширяется спектр методик, направленных на выяснение ресурсов стрессоустойчивости человека. Целью исследования копингов является информация, необходимая для осознания человеком его взаимоотношений со стрессом и выработки эффективных стратегий совладания с ним. Однако в настоящее время качественные и количественные методики изучения стресса («анализаторы стресса») и совладающего поведения все больше подвергаются критическому анализу. Серьезным недостатком их использования, по мнению различных зарубежных авторов, является их суггестивный потенциал, поскольку большинство не слишком внушаемых лиц с желанием «отыщут» у себя дюжину «проявлений стресса», предлагаемых в тех или иных опросниках. Проблема соотношения субъективных коррелятов стресса с его психодиагностикой указывает на относительность получаемых данных при использовании

большинства опросников и психологических методик¹⁵.

Поскольку само понятие «стресс» в психологическом (психическом) смысле определено не четко, то весьма трудно обеспечить его надежные измерения. Поэтому для диагностики стресса используется большое количество различных переменных, которые можно измерить более точно, чем стресс. К настоящему времени разработаны новые теоретические подходы, рассматривающие различные способы взаимодействия факторов со стрессорами. Более точные данные можно получить, если оценивать все три типа характеристик стресса (культурные, социальные и личностные) методами, не зависящими друг от друга. Учитывая мнение Р. Лазаруса о том, что стресс представляет связь между человеком и средой, которая оценивается как обременяющая или превышающая его ресурсы (подвергающая опасности его благополучие), акцент следует перенести со связи между стрессорами и стресс-реакциями на процесс оценки индивидуумом ситуации как стрессовой, что неизбежно усложняет рассмотрение стресса и дополнительно предполагает множество переменных. Это приводит к серьезным затруднениям, вызывающим необходимость изучения и анализа еще большего числа потенциальных влияний, включая многочисленные средовые факторы, факторы личности, оценки среды, стратегию преодоления и то, как все эти факторы изменяются во времени. Такой подход наиболее ярко проиллюстрирован в исследованиях В.А. Бодрова и других авторов. Ими выделены сотни «переменных» стресса. Несмотря на популярность транзактного подхода, он очень сложен в целом, редуциален и строго каузально детерминирован, в нем практически нивелируются роль внутреннего мира и необходимость оценки духовного мира человека.

Следует отметить и различную диагностическую направленность, заложенную в теоретических подходах к стрессу. Так, если стимульно-реактивный и интеракционный подходы к стрессу в его диагностике обращены к «вводу» (стрессору) и «выводу» (напряжению), изучаются запуск (начало) стресс-реакции и ее последствия (исключая оценку структуры связей между ними), то транзакционный подход направлен на диагностику стресса как процесса, который меняется со временем и зависит от оценки индивидуумами стрессоров и используемых ими стратегий преодоления. Этот под-

ход позволяет проводить повторную диагностику стресса при анализе его динамики и механизмов преодоления, меняющихся по мере адаптации к стрессовым событиям и условиям. Однако при этом возникает целый ряд указанных выше вопросов, связанных с видом значимости для индивида тех или иных средовых факторов, их важности, интенсивности, длительности и характера влияния.

В этой связи диагностические критерии стресса с позиций когнитивного подхода имеют множество критических замечаний. К ним следует отнести отсутствие различий между позитивными и негативными событиями; игнорирование постоянных или повторяющихся условий; элиминацию (устранение, игнорирование) индивидуальных различий; неточности в анализе причинно-следственных отношений между событиями и заболеваниями (выявляемые связи могут быть ложными); отсутствие надежности и валидности сообщений испытуемых и т.д. Анализ диагностических приемов оценки стресса с позиции исследования жизненных событий и повседневных неприятностей смещен обычно в сторону событий (как важного, так и второстепенного характера), которые являются в некоторой степени неординарными. Поэтому такая диагностика может не улавливать сущность многих аспектов жизни, которые являются стрессовыми. Все более важное значение приобретают и методологические вопросы объективности диагностики и измерения хронических стрессоров профессиональной природы и психического напряжения, которое может включать в себя все типы физических и психических расстройств – от незначительных перемен настроения до серьезных психических расстройств и других заболеваний. При этом обычно последовательно рассматривается диагностическая ценность таких критериев стресса, как физические симптомы, поведенческие проявления, симптомы психического неблагополучия, психологическое напряжение, сопряженное с эмоциональными состояниями (напряжение-тревога, депрессия-подавленность, гнев-враждебность, энергичность-активность, усталость-апатия, растерянность-озадаченность¹⁶)¹⁷.

В связи с емкостью понятия стресса разрабатываются все новые приемы его выявления и изучения. Их можно условно разделить на методики для выявления обычного, или повседневного, стресса; приемы, измеряющие уровень трудового, социально-

го стресса; способы, позволяющие определить степень физиологического стресса; методики, выявляющие степень устойчивости к определенным стрессорам, и методики экспресс-оценки.

Имеющиеся научные данные позволяют заключить, что определяющим фактором динамики адаптивной или дезадаптивной направленности развития психологического стресса является состояние и организация внутреннего мира, а именно степень глубины и наполненности духовного мира человека. Его содержание (сегодня еще трудно структурируемое в академической науке) составляют телеологические, ценностные, теологические, творческие и культурные характеристики (параметры), гармонизация которых отражается в состоянии психического и психологического (духовно-нравственного) здоровья индивида. Снижение духовного и душевного благополучия, удовлетворенности персональной жизнью, ее качеством в предшествующий стрессу период потенцирует негативный характер стрессовых раздражителей и понижает адаптационные ресурсы человека. Низкий уровень показателей духовно-нравственного здоровья и развития личности, ее творческого потенциала наряду с эгоистической направленностью целеполаганий, отсутствием сострадания, веры, оптимизма, утраты смысла жизни и профессиональной деятельности, чувство одиночества, уныние не только усугубляют стрессовые состояния, но и сами в силу своей негативной природы обладают стрессогенными свойствами, порождая экзистенциальный вакуум.

Полиморфность проявлений стресса и отсутствие единой теории его развития проявляются и в широте поиска направлений и путей его преодоления. Ресурсная модель совладающего поведения представляет дальнейшее развитие многолетних исследований, построенных на транзактной теории Р. Лазаруса и других когнитивно ориентированных подходов к проблеме стрессовой толерантности, и в целом объединяет многочисленные подходы к исследованию процессов и ресурсов преодоления стресса. Ее несомненным достижением является признание культуры в качестве наиважнейшего фактора стратегий и способов совладания со стрессом. Однако и в этом подходе, дополненном копингами и факторами культуры, прослеживается изначально заданная идея, давно ставшая для зарубежной психологии привычной, – идея о биологической детерминации по-

веденческой активности человека. Это вытекает из самой оценки саморегуляции как природной способности живых существ, в том числе и человека. Она осуществляется изначально непроизвольно (инстинктивно) и включается (запускается) мотивом основной деятельности, детерминированной стоящей за ним актуализированной потребностью. Природные возможности биосистемы (выносливость, стрессоустойчивость, энергетическая вооруженность) при оценке саморегуляции человека дополняются лишь учетом его социального опыта. Пожалуй, это и составляет отличие саморегуляции человека от животных.

Следует также отметить, что развиваемые большинством исследователей подходы к преодолению стресса основываются преимущественно на базе идей рациональности и рационального научного понимания человеческой природы. Сама же рациональность, как указывает В.А. Лекторский, представляется сегодня дискуссионной философской проблемой, один полюс которой направлен на ее отрицание в целеполаганиях человека вследствие его иррациональной природы, а другой – на ее законное право в дальнейшем постмодерном уничтожении личности в форме «сверхсциентичной» киберфантомизации при создании «нового» человека. Кстати, именно В.А. Лекторским при анализе проблем современной научной мысли была высказана удачная идея о плавающей (скользящей) границе научного и ненаучного, когда отвергаемые ранее теории и положения вновь получают подтверждение и становятся источником развития. При этом многие положения и подходы академической психологии к изучению психического мира человека обогащаются сегодня теоретическими положениями, связанными с базисными философскими подходами к пониманию природы (сущности) и целеполаганий человека.

Данное обстоятельство имеет принципиальную значимость для пенитенциарной психологии в понимании психологического (профессионального) у сотрудников и пенитенциарного у осужденных стресса и адаптации, а также методов их профилактики и психотерапии. Пенитенциарной психологии при этом (как одному из важнейших разделов психологической практики) необходимо собственное теоретико-методологическое оснащение. Как отмечает А.В. Юревич, за состояние психологической практики несет ответственность и академическая наука, переориентация которой на психологические

проблемы, порождаемые реальной жизнью, необходима и для нее самой, и для практической психологии, и для их плодотворного взаимодействия¹⁸. Эта идея в полной мере может быть отнесена к пенитенциарной психологии, остро нуждающейся в собственной методологической базе и философском, в первую очередь в мировоззренческом, осмыслении места и бытия современного человека. Отмечая необходимость сближения исследовательской и практической психологии, продиктованного вызовами времени, А.В. Юревич приводит высказывания классиков психологии (С. Московичи, А. Бандуры, А. Маслоу, Б.Ф. Скиннера и др.), выражающие очевидный, но часто забываемый факт, что главная задача любой социогуманитарной науки состоит в том, чтобы сделать человека и общество лучше, и это основная практическая цель, придающая реальный смысл исследованиям и академической, и практической психологии. Б.Ф. Скиннер, например, считал, что реформу пенитенциарной системы следует проводить на основе знания о принципах научения, личности и психопатологии¹⁹. Наблюдаемое сегодня преодоление дистанцирования фундаментальной психологии и пенитенциарной психологической практики идет по пути синтеза естественно-научных и гуманитарных знаний и появления новых локальных моделей психотерапии, требующих важных знаний о сложнейших механизмах и детерминантах, которые можно получить лишь на основе современной академической психологии. Как справедливо указывают Т.А. Жалагина и Е.Г. Короткина, парадоксальность и необходимость такого взаимодействия заключаются в том, что многие положения, недопустимые для естественно-научного подхода, являются в гуманитарных науках условием изучения той или иной психологической проблемы и психологической реальности²⁰. Реальная психологическая практика, в том числе и пенитенциарная, значительно шире теоретических представлений, но вместе с тем любая практика невозможна и без своей «практической» теории, которая должна содержать в себе в явном или неявном виде целостное учение о человеке – антропологию. «Схизис», или диссоциация психологической теории и практики, в большей мере отражает не столько кризис самой науки, сколько кризис системы ее взаимоотношений с обществом и нарастанием макропсихологических проблем человека. Причины их возникновения обусловлены не только антропогенным кризисом, но и во многом

связаны с глубокими исторически значимыми преобразованиями цивилизационной природы.

Сегодня, по мнению Д.И. Фельдштейна, встает проблема Человека как реального субъекта исторического процесса и объективно вставших перед ним нестандартных задач с огромным количеством неопределенностей²¹. Ученый указывает, что человек, человечество находятся сейчас в более сложном, многоаспектном мире, качественно изменяющемся социокультурном, информационно-психологическом пространстве жизнедеятельности. При этом жизнь людей характеризуется глобальным кризисом, обусловленным действием не только экологического, экономического, антропологического кризисов, но и кризиса нравственности, системный характер которого поставил человечество на грань выживания. Первостепенной задачей, стоящей перед гуманитарными науками, является осмысление существующей реальности и понимание того, что представляют собой современный человек и пространство его жизни. Д.И. Фельдштейн подчеркивает, что идеологический плюрализм, провозглашенный в 1990-е гг., превратился, по сути, в хаос, а выдвижение западных ценностей в качестве общечеловеческого идеала дополнило картину нравственной деградации населения России и грозит потерей нашего суверенитета, тем более что сам Запад переживает глубокий, исторически обоснованный кризис.

Это во многом созвучно мысли В.И. Слободчикова, считающего, что при более углубленном рассмотрении кризисного процесса можно сделать вывод о человеческом (антропологическом) кризисе. Все происходящее с человеком приобретает решающую роль в бытии общества и культуры, в глобальной динамике современного мира²². Ученый отмечает, что на смену европейским вариантам моделей человека (фрейдистскому, скиннеровскому, репертуарно-ролевому и другим фантамальным моделям) современная психология должна породить истинно антропологическую теорию и практику становления собственно человеческих способностей в человеке. Это предполагает системный пересмотр философских, психологических и других основ гуманитарных практик с точки зрения их подлинно антропологической модальности.

Социальный стресс (антропогенный кризис) обусловил необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных

способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным изменениям жизни, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что сегодня вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, а на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность²³.

В настоящее время исследователи в зависимости от научных направлений и школ дают различное толкование и определение содержания таких основополагающих понятий, как человек, субъект и личность, тогда как в контексте рассматриваемой методологии стресса решение этих вопросов не только связано с пониманием природы психического, но и предполагает обращение к другим не менее сложным понятиям – сознание, духовность, творчество. Рассмотрение этих базовых элементов возможно лишь при «выходе» за пределы непосредственного носителя психического, поскольку, по С.Л. Рубинштейну, психика человека всегда выходит за пределы внутриорганических отношений. При этом мы неизбежно оказываемся в междисциплинарной нише исследований и обращаемся к реалиям постнеклассической психологии и тем сторонам человека, которые исследуются другими науками, в частности философией, физикой, физиологией, общественными науками, биологией, генетикой, соматологией и т.д.

Пенитенциарная психология, таким образом, неизбежно подходит к новой фазе анализа философских и методологических проблем психологического стресса. Его изучение в русле экзистенциальной философии и психологии сближает пенитенциарные дисциплины с современными моделями экстремальной психологии, поскольку катализатором процесса глубинной рефлексии часто служит экстремальный опыт. Он связан с так называемыми пограничными ситуациями, такими, например, как угроза личной смерти, принятие важного необратимого решения или крах базовой смыслообразующей системы. Одной из таких си-

туаций является вынужденная социальная депривация осужденных и, учитывая условия деятельности, самого обслуживающего персонала исправительного учреждения. Ситуационная изоляция имеет отличную от экзистенциальной природу, но, составляя основу пенитенциарного стресса, такая изолированность от людей с порождаемым ею одиночеством способна стать и фундаментальной изоляцией как от других людей, так и от окружающего мира в целом, то есть экзистенциальной. Возникающий экзистенциальный конфликт является конфликтом между сознаваемой изоляцией и потребностью в контакте, защите, принадлежности к большему целому.

Широта диапазона стрессовых ситуаций (реакций, состояний) у персонала исправительных учреждений и осужденных охватывает весь спектр стрессовых состояний – от ответных эмоциональных реакций (эпизодов), возникающих в обыденной жизни, до травматического стресса экстремальной природы. Это означает, что моделями стресса в пенитенциарной среде могут служить стрессовые события, сопровождающие жизнедеятельность человека в различных экстремальных ситуациях нахождения в исправительных и воспитательных учреждениях. Согласно М.Ш. Магомед-Эминову, понятие экстремальности представляет ключевой механизм психологической перестройки (реактивной трансформации) в виде смыслообразования – облигатного проникновения в процессы бытия индивидуума, процессов его экзистенциальной психодинамики и духовного мира²⁴. При этом все больше появляется работ о важности духовной сферы и уровня культуры личности, играющих роль регуляторов совладающего поведения.

Исходя из антропного принципа анализа субъективной реальности и роли духовных констант в развитии психологического стресса и психодезадаптивных состояний к перечисленным А.Л. Журавлевым и Е.А. Сергиенко четырем факторам совладающего поведения, на наш взгляд, следует отнести пятый – фактор духовного развития, обеспечивающий особенности поведения индивидуума в стрессовой ситуации на основе выработанной системы смысла и целеполагания жизни, включая оптимальный баланс взаимоотношений, регулируемых константами веры, доверия и недоверия, наличие или дефициентность нравственности и морали.

Ниже представлена обобщенная схема факторов совладающего поведения субъек-

та (по А.Л. Журавлеву и Е.А. Сергиенко), дополненная фактором духовности субъекта.

Динамический фактор	СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ СУБЪЕКТА	Духовный фактор
Диспозиционный фактор		Социокультурный фактор
	Регулятивный фактор	

Схема 1. Факторы совладающего поведения субъекта

В таком случае, согласно ресурсной теории преодоления (развития) стресса, в зависимости от уровня субъектной регуляции и преобладающего (или сочетанного) действия диспозиционного, ситуационного, социокультурного, духовного и регулятивного факторов структурные компоненты совладающего поведения функционируют и/или в эмоциональной, и/или в когнитивной, и/или в поведенческой, и/или в духовной (надутилитарной) сферах. Известно, что копинг может трансформироваться по мере изменений требований ситуации к человеку либо собственных изменений субъекта в ситуации. Копинг-навыки можно приобрести и/или восстановить, направленно формировать в многообразных структурированных (специально созданных) или неструктурированных условиях. В целом развитие навыков саморегуляции является одной из важнейших целей воспитания и социализации. Особенно нуждаются в навыках развития саморегуляции молодые сотрудники исправительных учреждений, несовершеннолетние осужденные и осужденные молодого возраста в период пребывания в пенитенциарной среде.

В связи с этим при выборе методологических подходов к стрессу и адаптации следует учитывать не только специфику пенитенциарных условий, но также и необходимость использования принципов постнеклассической психологии в контексте и континууме психолого-педагогических, психолого-психиатрических или психосоциальных последствий пребывания человека в чрезвычайных условиях жизнедеятельности. Междисциплинарный и полипарадигмальный методологический подход к рассмотрению стресса

и его последствий как к процессу, приводящему к изменению уровня и качества жизни сотрудников и осужденных, позволяет приблизиться к пониманию главной результирующей стрессового события – будут ли сформированы процессы адаптации или, напротив, произойдет их срыв. При анализе психологического стресса необходимым является его изучение с учетом действия социальных системных стрессоров и протекающего антропогенного (духовного) кризиса. Существенную помощь в анализе стресса оказывает системно-субъектная и антропная методология с привлечением теоретических представлений А.А. Ухтомского, П.К. Анохина и других исследователей к организации и структуре внутреннего мира и поведения человека. При оценке состояния сознания и духовной сферы сотрудников и осужденных особое место отводится синергетическому, антропологическому и экзистенциальному подходам с привлечением широкого круга философских, теологических и других воззрений и идей.

Изучение стрессовых событий с позиции метатеории духовности сознания дает основание пересмотра ряда основополагающих положений академической психологии относительно самого феномена сознания. Особое значение в раскрытии духовной парадигмы сознания и стресса имеют работы отечественных философов. В качестве исходной теоретической базы методологического аппарата данной парадигмы стресса принята разработанная В.П. Зинченко версия структуры сознания, включающая три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный, где духовный слой в структуре целого сознания играет ведущую роль, одушевляя и во-

одушевляя бытийный и рефлексивный слои²⁵. В духовном слое берут начало контрфакты (копинги), противодействующие стрессовой дезинтеграции, а стрессовые реакции (состояния, процессы) при этом все больше выглядят «переменными» высших психических процессов, разыгрывающихся на двух других низших слоях сознания. Стресс, как и другие функциональные психические состояния (фрустрация, конфликт, кризис), в постнеклассической психологии рассматривается в качестве состояний сознания, возникающих вследствие дефицитности духовного слоя сознания. Привлечение метатеоретических позиций, которыми располагает современная психология, при исследовании различных стрессовых состояний как частных форм (состояний) сознания дает основание для анализа

самого феномена сознания и делает возможным отражение стрессовых ситуаций в витальном пространстве человека, не лишая при этом их объективности²⁶. Духовность (духовный слой сознания) с точки зрения философской антропологии и принципа иерархичности функциональных систем играет роль интегратора внутренних сил и всех аспектов здоровья человека. Теоретический анализ духовности и нравственных ценностей человека, представленных в научной мысли, мировых религиях, художественной культуре, народных традициях и обычаях, позволяет сделать заключение, что духовный слой сознания является системообразующим фактором внутреннего мира человека, его психической сферы, определяющим одновременно и его толерантность к стрессу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лазарус Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. М., 1970. С. 178–208.

² См.: Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 5–17.

³ См.: Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М., 2011.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Сергиенко Е.А. Развитие психологии субъекта и субъект развития // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 7.

⁶ См.: Там же. С. 8.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных модусах бытия. Краснодар, 2006.

⁹ См.: Сергиенко Е.А. Субъект и личность: поиск единства и специфика // Мир психологии. 2012. № 3. С. 30–49.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Иванников В.А. и др. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.

¹² Там же. С. 15.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление.

¹⁵ См.: Брайт Д., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб., 2003.

¹⁶ См.: Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу: основы теории, диагностика, терапия. СПб., 2004.

¹⁷ См.: Гринберг Дж. Управление стрессом. СПб., 2004.

¹⁸ См.: Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 127–136.

¹⁹ См.: Там же. С. 132.

²⁰ См.: Жалагина Т.А., Короткина Е.Г. Психология на пути интеграции науки и практики // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 137–140.

²¹ См.: Фельдштейн Д.И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI в.: вызовы информационной эпохи // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 46–65.

²² См.: Слободчиков В.И. Христианская психология – ее возможность и действительность // Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Элементы православной психологии. М., 2012. С. 6–15.

²³ См.: Марцинковская Т.Д. Психология в современном мире // Теория и методология психологии: Постнеклассиче-

¹ Sm.: Lazarus R.S. Teorija stressa i psihofiziologicheskie issledovanija // Jemocional'nyj stress / Pod red. L. Levi. M., 1970. S. 178–208.

² Sm.: Morosanova V.I. Lichnostnye aspekty samoreguljacji proizvol'noj aktivnosti cheloveka // Psihologicheskij zhurnal. 2002. T. 23. № 6. S. 5–17.

³ Sm.: Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste. M., 2011.

⁴ Sm.: Tam zhe.

⁵ Sm.: Sergienko E.A. Razvitie psihologii sub#ekta i sub#ekt razvitiya // Psihologicheskij zhurnal. 2012. T. 33. № 1. S. 7.

⁶ Sm.: Tam zhe. S. 8.

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Sm.: Fomenko G.Ju. Lichnost' v jekstremal'nyh modusah bytija. Krasnodar, 2006.

⁹ Sm.: Sergienko E.A. Sub#ekt i lichnost': poisk edinstva i specifika // Mir psihologii. 2012. № 3. S. 30–49.

¹⁰ Sm.: Tam zhe.

¹¹ Sm.: Ivannikov V.A. i dr. Mesto ponjatija «volja» v sovremennoj psihologii // Voprosy psihologii. 2014. № 2. S. 15–23.

¹² Tam zhe. S. 15.

¹³ Sm.: Tam zhe.

¹⁴ Sm.: Bodrov V.A. Psihologicheskij stress: razvitie i preodolenie.

¹⁵ Sm.: Brajt D., Dzhons F. Stress. Teorii, issledovanija, mify. SPb., 2003.

¹⁶ Sm.: Ababkov V.A., Perre M. Adaptacija k stressu: osnovy teorii, diagnostika, terapija. SPb., 2004.

¹⁷ Sm.: Grinberg Dzh. Upravlenie stressom. SPb., 2004.

¹⁸ Sm.: Jurevich A.V. Issledovatel'skaja i prakticheskaja psihologija: eshhe raz o «shizise» // Psihologicheskij zhurnal. 2012. T. 33. № 1. S. 127–136.

¹⁹ Sm.: Tam zhe. S. 132.

²⁰ Sm.: Zhalagina T.A., Korotkina E.G. Psihologija na puti integracii nauki i praktiki // Psihologicheskij zhurnal. 2012. T. 33. № 1. S. 137–140.

²¹ Sm.: Fel'dshtejn D.I. Problemy psihologo-pedagogicheskikh nauk v prostranstvenno-vremennoj situacii XXI v.: vyzovy informacionnoj jepohi // Voprosy psihologii. 2013. № 1. S. 46–65.

²² Sm.: Slobodchikov V.I. Hristianskaja psihologija – ee vozmozhnost' i dejstvitel'nost' // Shehovcova L.F., Zen'ko Ju.M. Jelementy pravoslavnoj psihologii. M., 2012. S. 6–15.

²³ Sm.: Marcinkovskaja T.D. Psihologija v sovremennom mire // Teorija i metodologija psihologii: Postneklassicheskaja perspektiva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich. M., 2007. S. 33–45.

²⁴ Sm.: Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti. M., 2008.

ская перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 33–45.

²⁴ См.: Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М., 2008.

²⁵ См.: Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

²⁶ См. подр.: Бабурин С.В., Чирков А.М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной стрессологии: Учеб. пособие. Вологда, 2014; Они же. Постнеклассический подход в науке к проблемам стресса и адаптации в исправительных учреждениях // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). Вологда, 2013. С. 297–304; Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 46–50.

²⁵ См.: Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt. M., 2010.

²⁶ См. подр.: Baburin S.V., Chirkov A.M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnoj stressologii: Ucheb. posobie. Vologda, 2014; Oni zhe. Postneklassicheskij podhod v nauke k problemam stressa i adaptacii v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Ugolovnaja i ugovno-ispolnitel'naja politika v Rossii i za rubezhom: sostojanie, tendencii i problemy sovershenstvovanija: Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 28–29 nojabrja 2013 g.). Vologda, 2013. S. 297–304; Baburin S.V. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnoj psihologii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 46–50.

Особенности поведенческих характеристик несовершеннолетних делинквентов (в рамках мониторинга профилактики потребления табачных изделий осужденными)

С.А. КРАСНЕНКОВА – доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук;

И.И. МАРКОВА – доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук

В статье представлены результаты исследования поведенческих характеристик осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии. Предложенный материал поможет заинтересованным лицам повысить профессиональную компетентность, уровень информированности о проблеме зависимости от табакокурения, а также совершенствовать направления работы, создающие предпосылки для снижения частоты курения несовершеннолетними.

К л ю ч е в ы е с л о в а : несовершеннолетние осужденные; делинквенты; табакокурение; тип курительного поведения; отношение к здоровью; стиль саморегуляции поведения.

Features of behavioral characteristics of juvenile delinquents (in the monitoring of prevention of tobacco consumption by convicts)

S.A. KRASNENKOVA – Associate Professor of the Chair of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, PhD in Psychology;

I.I. MARKOVA – Associate Professor of the Chair of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, PhD in Psychology

The article presents the results of a study of behavioral characteristics of convicts of a juvenile correctional facility. The proposed material will help interested parties to improve their professional competence, level of awareness of the problem of depending on smoking and improve the areas of work, creating the prerequisites for reducing the incidence of smoking by minors.

Key words: juvenile convicts; delinquents; tobacco smoking; type of smoking behavior; attitude to health; style of self-control.